

АГРАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Основные смыслы жизненного мира сельских жителей России¹

Ж.Т. ТОЩЕНКО*, П.П. ВЕЛИКИЙ**

***Жан Терентьевич Тощенко** – член-корреспондент РАН, доктор философских наук, заведующий, кафедра теории и истории социологии, РГГУ; главный научный сотрудник, Институт социологии РАН. Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, к. 5. E-mail: zhantosch@mail.ru

****Петр Панфилович Великий** – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт аграрных проблем РАН. Адрес: 410012, Саратов, ул. Московская, 94. E-mail: iagpran@mail.ru

Цитирование: Тощенко Ж.Т., Великий П.П. (2018) Основные смыслы жизненного мира сельских жителей России // Мир России. Т. 27. № 1. С. 7–33. DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-1-7-33

В статье раскрываются основные смыслы жизненного мира жителей современной российской деревни. Теоретико-методологической основой анализа является концепция социологии жизни, которая исходным, базовым понятием считает «жизненный мир» людей, где структурными компонентами выступают общественное сознание, поведение (деятельность) и объективные условия (макро-, мезо- и микромир). Такой подход позволяет раскрыть палитру общественной (публичной) и личной (приватной) жизни людей, в том числе и проживающих в сельской местности. Особое внимание уделяется обоснованию и необходимости применения в социологических исследованиях такого понятия, как «смысл жизни», который трактуется как цели-принципы, которыми руководствуется человек (осознанно или стихийно) в своей повседневной жизни. Исходя из этих теоретико-методологических оснований, жизненный мир сельских жителей раскрывается через его главные смыслы, находящие отражение в основных ценностных ориентациях и соответствующей мотивации: остаться на селе, переехать из села в город, компромиссные установки (жить на селе, а работать и/или отдыхать в городе). Все эти смыслы, в конечном счете, замыкаются на обобщающий смысл – стремление к социальной справедливости, которая касается специфики жизни сельчан как граждан (уровень общества), как жителей

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ «Смысл жизни: опыт моделирования и применения нового теоретико-методологического и методического инструментария» (№ 17-06-00407).

(уровень поселения), как индивидов (уровень непосредственно окружения). Все эти смысловые ценностные ориентации также серьезно различаются в зависимости от социального положения, возраста, отношения к землепользованию (формам собственности) и семейного положения. Анализ основных смыслов жизни дается на базе всероссийских исследований 2014–2016 гг., проведенных социологами Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) по гранту Российского научного фонда – «Жизненный мир россиян и эволюция форм их участия в реализации государственных и общественных преобразований (1990–2010-е годы)». В статье также использована статистическая информация Росстата РФ, данные Института социологии РАН, ВЦИОМ, Левада-Центра и других, в том числе и региональных, исследовательских организаций.

Ключевые слова: социология жизни, жизненный мир, смысл жизни, общественное сознание, поведение, социальная среда, российское крестьянство, ценностные ориентации

Вместо введения

Рассматривая жизненный мир через призму его основных компонентов – сознания, поведения, среды, – которые охватывают все его многообразие, возникает вопрос: все ли существенные характеристики общественной (публичной) и личной (приватной) жизни людей отражены при таком подходе? На наш взгляд, показатели сознания, поведения и среды, образуя синтезирующее понятие «жизненный мир», все же требуют еще одного индикатора, характеризующего и выражающего его ключевое, истинное, глубинное и качественное содержание. Такими индикаторами являются смыслы жизни, которые отражают главное, существенное, что содержится в общественном сознании, поведении (деятельности) в условиях определенной социальной среды. При всем многообразии характеристик жизни человека смыслы выступают понятиями и соответственно показателями, которые выражают целостное видение, главные (основные, определяющие) принципы жизни людей, связанные с целевыми установками.

Понятие «смысл жизни» венчает наши рассуждения о социальной реальности, о месте и предназначении человека в окружающем его социальном мире, о его роли и месте в жизни общества. Социологические исследования постоянно показывают, что одни и те же действия могут быть пронизаны различным смыслом. Поэтому при определении смысла жизни мы исходим не только из теоретических построений, но и из реальной действительности, ибо только из нее мы можем извлечь то, что направляет сознание и поведение людей.

Анализ поисков и данных эмпирических исследований показывает, что исходной характеристикой понятия «смысл жизни» являются *цели-принципы, выраженные в устойчивых ценностных ориентациях и установках*. Это позволяет людям придерживаться жизненно важных ориентиров, в известной мере определяющих реализацию осмысленной установки, которая не зависит от ситуативных процессов в обществе и окружающей среде. Ибо, согласно А. Шютцу, смысл связан не столько с научным, теоретическим познанием мира, желанием постичь истину,

сколько с «жизнепрактическими установками и ориентациями, обладающими непосредственной очевидностью и сочетанием различных форм опыта, в том числе и исторического» (курсив – Ж.Т.) [Шютц 2003, с. 89]. Смысл жизни предполагает, что человек отдает отчет о сущности и содержании своей деятельности (осознанно или неосознанно, стихийно), о том, как и каким образом он будет реализовывать и удовлетворять главные потребности и интересы. Структуру смысла жизни также определяет *мера*, своеобразный навигатор, по которой человек сопоставляет свои цели-принципы с нормами и требованиями окружающего общества, сравнивая и согласовывая их с целями и принципами других участников жизненного мира (подробнее см. [Тощенко 2016]).

Далее, смысл предполагает *осознание человеком своего предназначения и назначения окружающих его социальных институтов* (государства, семьи, образования, религии и других), внутреннее приятие и понимание сущностного содержания своих действий и акций существующих в обществе организаций. И наконец, очень важная характеристика смысла жизни – его *превращение во внутреннюю активность*, жизненную необходимость, без реализации которой человек не представляет свое дальнейшее развитие и функционирование, сопоставление со смыслами жизни других людей [Чудновский 2015, с. 7].

Итак, если попытаться дать *определение понятия «смысл жизни»*, то под ним следует понимать *совокупность целей-принципов, образующих стратегическое ядро ценностных ориентаций и установок, олицетворяющих стрежень сознания и поведения людей и составляющих основополагающее, внутреннее содержание их жизни*. В известной мере – это основная цель, которая может выступать как обобщенная, стратегическая установка всей жизни, так и ведущая установка в основных видах деятельности. Это в полной мере касается и такой социальной общности, как сельские жители, занимающиеся сельскохозяйственным производством, так и тех, для которых сельская среда является местом обитания.

В статье использованы данные всероссийских опросов «Жизненный мир россиян», проведенного 25–30 октября 2014 г. (1750 чел. в 18 регионах страны с учетом репрезентативной выборки по полу, образованию, семейному положению, месту жительства, форм собственности и трудовому стажу), и «Сельская жизнь», проведенного в августе 2015 г. (22 области, края и республики, 71 село, 1000 чел.). Особенностью этого исследования является то, что основным объектом стали населенные пункты (крупные и средние, с численностью населения более 50 чел.), в которых сохранилось сельскохозяйственное производство и органы управления им.

Базовые основы жизненного мира сельских жителей

Первоначально необходимо обозначить, что представляет собой современная российская деревня (село). Современное село – это не просто тип поселения, а исторически сложившаяся, внутренне дифференцированная *социально-территориальная подсистема* общества, определяющая основные жизнеобразующие смыслы ее жителей. Ее системность обеспечивается взаимосвязью демографической, производственно-экономической, социальной и духовной жизнедеятельности людей с природно-географическими и искусственно созданными материально-вещными

условиями их существования [Староверов 2004, с. 64]. Поэтому, прежде всего, охарактеризуем ее исходную базу – поселенческую специфику, которая обрамляет все последующие черты жизни и ее смыслов у сельских жителей (таблица 1).

Таблица 1. Распределение сельских населенных пунктов по числу жителей* (по данным переписей населения)

	Число сельских населенных пунктов			Численность населения, тыс. чел.		
	1989	2002	2010	1989	2002	2010
Сельские населенные пункты, всего из них с числом жителей (чел.):	162231	155289	153124	39063	38738	37543
до 6	26234	32997	42387	50	58	64
6–10	13245	14092	13254	105	110	103
11–25	24735	22303	19225	423	377	324
26–50	19939	15770	13522	727	573	494
51–100	18094	14901	13798	1312	1082	1006
101–200	17895	15833	14682	2595	2302	2133
201–500	22177	20475	18729	7116	6618	6053
501–1000	11524	10836	9720	8087	7571	6780
1001–2000	5718	5182	4737	7759	7050	6492
2001–3000	1266	1220	1217	3060	2946	2947
3001–5000	803	873	979	3067	3321	3756
5001 и более	601	807	874	4762	6730	7391

Источник: [Российский статистический ежегодник 2015, с. 84].

*Данные приведены: для 1989 г. по переписи населения на 12 января, для 2002 г. – на 9 октября, для 2010 г. – на 14 октября.

Данные таблицы 1 говорят о том, что российские деревни имеют разные траектории своего развития. Многие из них в физическом и социально-экономическом плане перестают существовать, и особенно интенсивно этот процесс происходил в 1990–2000-е гг., когда каждый день исчезало по две деревни, жители которых не вписывались в проводимые реформы. Одновременно некоторое число из них начали постепенно превращаться в туристические достопримечательности, в экологические поселения, в дома престарелых на природе или в дачные поселки для горожан. В тех же населенных пунктах, в которых все же сохраняется сельскохозяйственное производство, отношения продолжают строиться на капиталистических и модифицированных псевдосоциалистических, а в некоторых случаях – на архаичных, феодальных началах и принципах.

О формах хозяйствования на земле

С начала 1990-х гг. стала осуществляться крупномасштабная реформа сельского хозяйства России. Основной ее смысл заключался в демонтаже колхозно-совхозного строя, хотя под этими лозунгами распускались и закрывались немало эффективно функционирующих хозяйств. Тогда предполагалось создание слоя земельных собственников – фермеров, которые должны были заменить коллективные хозяйства как изжившее себя наследие советского строя. Считалось, что фермеры смогут более эффективно распорядиться землей, чем колхозы, и накормят страну. Создать фермерские хозяйства планировалось посредством приватизации земли, которая стала краеугольным камнем всей сельскохозяйственной реформы. В соответствии с этим уже в 1992–1993 гг. начался раздел колхозной и совхозной собственности: в каждом регионе определялся среднерайонный размер земельного пая, исходя из площади сельхозугодий, подлежавшей приватизации, затем составлялись списки тех, кто имел право на земельную долю в общей собственности. Свидетельства о собственности выдавались не всем, включенным в эти списки, а только тем, кто написал соответствующее заявление. В результате достаточно много сельчан не получили свои паи, а сами эти доли представляли собой номинальные свидетельства о собственности с неопределенным местоположением земельного участка и отсутствием оценки ее кадастровой стоимости. Итогом этого стало формальное превалирование частной собственности на землю, на которой сами собственники работать не могли. «В 2006 г. площадь сельхозугодий составляла 191,6 млн га. Из них 67% находились в частной собственности, 33% – в государственной. Однако из 128,1 млн га частных земель сельхозназначения 87% составляли земли “виртуальной” общей долевой собственности, которые не были физически выделены и могли сдаваться преимущественно в аренду – сельскохозяйственным предприятиям или фермерским хозяйствам» [Фадеева 2015, с. 46]. Иначе говоря, приватизация земли была проведена таким образом, что реальной выдачи земли не осуществлялось, и поэтому происходила либо продажа этих паев, либо сдача их в аренду создаваемым акционерным организациям и немногочисленным фермерам, в результате чего появился класс «бумажных» собственников-хозяев. Исследование «Сельская жизнь» (2015 г.) показало, что приватизацией земли с целью вести на ней хозяйство воспользовалось меньшинство сельчан: получили паи только 32%, а из них только 25% выращивали на ней продукцию, 10,3% – продали, 18,1% – никак не использовали, 21,9% – сдавали в аренду фермерам, 19,7% – в аренду сельхозпредприятиям, а 3,4% по тем или иным причинам лишились своих паев [Анисимов 2016, с. 51].

Суть проводившейся реформы, на наш взгляд, наиболее полно выразил В.П. Данилов: «Обращаясь к осуществляемой ныне аграрной реформе, нужно, прежде всего, сказать, что ее сущность определяется и даже исчерпывается заменой одних форм социальной организации сельского хозяйства другими, задачи же роста сельскохозяйственного производства и обеспечения населения продовольствием вообще не ставятся» [Данилов 2011, с. 642]. Здесь стоит уточнить, что эта замена была произведена не в интересах большинства, так как приватизация земли становилась выгодна только бывшему руководству колхозов и совхозов, сохранившего свои управленческие позиции, а также земельным спекулянтам, выкупавшим землю и переводившим их из разряда земель сельхозназначения в земли, предна-

значенные для строительства, в основном, торгово-складских и других вспомогательных помещений, а также (особенно вокруг крупных городов) коттеджей и дач. Сам механизм реализации сельскохозяйственной реформы соответствовал худшим традициям российской и советской бюрократии и был проведен таким образом, что к нему вполне применимо выражение В.И. Ленина из «Заключительного слова по докладу о продовольственном налоге» (1921 г.): результатом стало нечто «по форме правильное, а по сути, издевательство» [Ленин 1980, т. 43, с. 327–328].

Помимо непродуманной, но амбициозной программы приватизации земли, реформа не учитывала сложившегося разделения труда в советском сельском хозяйстве. У неолибералов господствовало фантастическое представление о колхознике, который получив землю, превратится в фермера и сможет самостоятельно осуществлять весь производственный цикл – обрабатывать землю, ухаживать за скотом, закупать семена, удобрения, горюче-смазочный материал, вносить удобрения, собирать урожай, а затем его продавать, не говоря уже о другом, не менее важном – о животноводстве и других возможных функциях: садоводстве, огородничестве, пчеловодстве и т.д. Эти процессы осуществимы, но только на уровне приусадебного хозяйства, характеризующегося примитивными технологиями и орудиями труда. «За 60 лет абсолютного господства колхозно-совхозного производства сменилось 2–3 поколения работников. “Универсальный” крестьянин, осуществляющий своими руками весь производственный процесс и несущий ответственность за конечный результат хозяйственной деятельности в целом, успел превратиться в “частичного рабочего” крупного производства, который выполняет те или иные виды работ» [Данилов 2011, с. 668].

Фермеризации крестьянства не произошло. И хотя фермеры на селе появились, до сих пор они занимают достаточно скромные позиции в общем объеме сельскохозяйственной продукции. В 2014 г. доля коллективного сектора в общем объеме продукции составляла 48,6%, личных подсобных хозяйств – 41,4%, и только 10% давали фермерские хозяйства [Россия в цифрах 2015, с. 275]. При этом необходимо отметить, что фермеры не являются однородной группой. «Образовалась прослойка очень крупных фермеров, я бы сказал, фермеров-капиталистов, которые уже вышли на уровни небольших колхозов – тысяча, две тысячи гектаров. Есть слой просто работающих, зажиточных фермеров – у них 300–500 гектаров земли. И есть тысяча сто “мертвых” фермерских душ, которые что-то выращивают, числятся фермерами, но живут не от фермерства: имеют магазинчики, занимаются извозом, какой-то коммерческой деятельностью. Большинство из них хотели бы землей заниматься, но в нынешних условиях это невыгодно. А в целом наши основные производители до сих пор – это крупные хозяйства и мелкие частники на огородах» [Никулин 2012]. Это свидетельствует о том, что реформа провалилась: за четверть века массовый слой фермеров не образовался, а новые сельскохозяйственные организации, сложившиеся на базе бывших колхозов и совхозов, не решили своей основной задачи – накормить страну.

Результатом реформы стало формирование крупной земельной частной собственности при одновременном запустении значительной части сельхозугодий (до 40%). Коллективные хозяйства сохранились, более того, они на сегодняшний день наряду с подсобными личными хозяйствами являются основными производителями продуктов, но их сущность кардинально изменилась: нынешние коллективные хозяйства стремятся выполнять сугубо экономические цели, оставляя

после себя «выжженный социальный ландшафт». Особенно наглядно это проявляется в деятельности крупных агрохолдингов-латифундий, которые стали образовываться в России после кризиса 1998 г. Сельскохозяйственная перепись 2006 г. зафиксировала полное и безоговорочное торжество крупных и очень крупных хозяйств. Несмотря на запустение и прекращение обработки почти 40% сельскохозяйственных угодий, из оставшихся посевных площадей 81,5% контролировалось 0,113% сельскохозяйственных организаций, которые к тому же владели 48,3% крупного рогатого скота, 47,1% свиней и 62,8% птицы [Барсукова 2016, с. 63]. Наблюдается невиданный в мире виток аграрной гигантомании, когда «агрохолдинги олигархов стремительно устанавливают политико-экономический контроль над миллионами гектар земли и тысячами деревень России», что воплотилось в термине «олигархозы» [Никулин 2010, с. 17]. И это происходит одновременно с ликвидацией почти 100 тыс. крестьянских фермерских и личных подсобных хозяйств. В агрохолдингах земля и сельское население воспринимаются исключительно как ресурс для извлечения прибыли, и хозяйствование осуществляется на ней «колониальным» (в худшем понимании этого слова) способом. Латифундии скупают или отбирают у сельчан наиболее плодородные земли, зачастую ведут себя на селе как на «чужой» территории, окруженной туземцами (многочисленная охрана, сигнализация, заборы), местных жителей на работу не привлекают, маркируя их как «ленивую пьянь», активно завозят «трудолюбивых» мигрантов, зачастую создавая для них рабские условия существования и работы. В конечном итоге эти сельскохозяйственные образования не заинтересованы в социальном развитии территорий, на которых они работают. Агрохолдинги представляют собой воплощение монетаристских рыночных отношений на селе, в результате чего работники отчуждены от продуктов своего труда, от среды, в которой проживают, от собственных товарищей и, более того, от общества в целом. Гигантские латифундии – это «<...> редкое явление для развитых стран, и получили распространение прежде всего в странах Латинской Америки. Но и там, где они существуют, не происходит такого отчуждения крестьян от земли, как в России» [Буздалов 2016, с. 158].

Вследствие приватизации в российском сельском хозяйстве сложились четыре организационные структуры: акционерные организации, личные подсобные хозяйства, фермеры, агрохолдинги-латифундии, причем господствующими являются первые два типа хозяйствования: акционерные предприятия (бывшие колхозы и совхозы, иногда их называют крупхозами) и личные подсобные хозяйства. По сути, сохранилась псевдосоветская сельскохозяйственная структура, в которой преобладают коллективные хозяйства, кардинально изменившие характер отношений на селе. Нехватка ресурсов, эксплуатация, а также распространение ориентации на городской образ жизни вынуждают крестьян отказываться от труда на земле, в результате чего происходит раскрестьянивание [Великий, Бочарова 2012; Староверов 2004]. Либеральные рыночные отношения, основанные на конкуренции, раздробили монолитный сельский жизненный мир; наблюдается атомизация жизни сельчан; растет социально-экономическое неравенство; социальные связи становятся более короткими и рациональными. В этих отношениях превалирует дихотомия «собственник-батрак» (наемный работник, безземельный крестьянин), что отражается на смыслах трудовой и экономической деятельности сельчан.

Но, в отличие от XIX в., такого стабилизирующего и смягчающего эти взаимоотношения образования, как община, нет. Заменявшие колхозы и совхозы

акционерные общества и латифундии в силу экономических причин отказываются от выполнения социальных функций (строительство и содержание школ, больниц, предоставление социальной помощи), перекладывая их на плечи местных органов власти и самих сельчан. Все это порождает конфликтные ситуации, ведет к росту напряженности, преступности и насилия в российском селе (поджоги, создание ОПГ и т.п.). Дальнейшая маргинализация батраков-поденщиков становится причиной активизации социальных болезней (особенно алкоголизации). Это вынуждает новых хозяев активно привлекать для работы иноэтническую рабочую силу, способствуя тем самым появлению, помимо социальной, и межэтнической напряженности.

Роль материальной базы сельскохозяйственного производства в формировании смыслов

На основе официальной статистики дадим основные характеристики данных о состоянии и тенденциях использования земельных угодий, в том числе пахотных земель. С 1990 г. (последнего полного года существования СССР) до 2014 г. общая посевная площадь сельскохозяйственных культур сократилась на 39,2 млн га, причем наибольший упадок демонстрируют кормовые культуры (их площадь уменьшилась в 2,6 раза) и картофель (в полтора раза) при некотором росте технических культур и овощей (*таблица 2*).

Таблица 2. **Посевные площади сельскохозяйственных культур (хозяйства всех категорий; тыс. га)**

	1990	2014*
Вся посевная площадь	117705	78525
Зерновые и зернобобовые культуры	63068	46220
Технические культуры	6111	12232
Картофель	3124	2112
Овощи открытого грунта (без высадков)	618	684
Кормовые культуры	44560	17127

Источник: [Растениеводство 2015].

* Данные приведены с учетом сведений по Крымскому федеральному округу.

И если к этому добавить, что доля эрозийно опасных сельхозугодий составляет 55,8% общих сельскохозяйственных площадей (в том числе 41% пахотных), а одна четверть кормовых угодий переувлажнена или заболочена, 25% смыто, 15% засолено, то понятно, что высокой урожайности в такой ситуации достичь невозможно. Ко всему прочему, на оставшихся пахотных землях на 1 га вносится

40 кг удобрений, что в 10 раз меньше, чем в странах Западной Европы (при том что 80% добываемых минеральных удобрений идет на экспорт). Что же касается такого важного показателя, как поголовье сельскохозяйственных животных, то оно сократилось практически в несколько раз (таблица 3). Деградировало и техническое оснащение сельскохозяйственного производства (таблица 4).

Таблица 3. Поголовье сельскохозяйственных животных (хозяйства всех категорий; на конец года; тыс. голов)

	1990	2014
Крупный рогатый скот,	57043,0	19264,3
в том числе коровы	20556,9	8531,1
Свиньи	38314,3	19546,1
Овцы	55242,1	22578,3
Козы	2952,8	2104,5
Лошади	2618,4	1373,3
Птица	659807,5	527326,0
Северные олени	2260,6	1529,3
Кролики	3354,1	3 502,8
Семьи пчел	4502,6	3 473,7

Источник: [Животноводство 2015].

Таблица 4. Парк основных видов техники в сельскохозяйственных организациях (тыс. шт.)

	1990	2014
Тракторы*	1365,6	247,3
Плуги	538,3	67,8
Сеялки	673,9	100,7
Комбайны,		
зерноуборочные	407,8	64,6
кормоуборочные	120,9	15,2
Косилки	275,1	33,9
Дождевальные и поливные машины и установки	79,4	5,7
Разбрасыватели твердых минеральных удобрений	110,7	15,8

Источник: [Материально-техническая база 2015].

* Без тракторов, на которых смонтированы землеройные, мелиоративные и другие машины.

Не следует забывать и тот факт, что техническая оснащенность оценивается в 40–60% к уровню нормативной, причем 50–80% эксплуатируемой техники не только физически, но и морально износилось, выработало срок амортизации, и ежегодное выбытие техники превышает ее ввод.

Упали и валовые сборы зерна: например, зерновых и зернобобовых культур в 1990 г. было собрано 116676 тыс. т, а в 2014 г. – 105315 тыс. т. Исключением стали итоги 2017 г., когда впервые за четверть века был получен самый высокий урожай, который многие эксперты связывают с благоприятными природными условиями, а не с коренными экономико-технологическими изменениями в сельском хозяйстве.

Анализ статистических данных позволяет утверждать, что при падении общей посевной площади сельскохозяйственных культур произошел некоторый рост российского сельского хозяйства, так как по сравнению с другими странами урожайность в России находится на очень низком уровне: так, в 2012 г. урожайность зерновых и зернобобовых культур в России составила 18,3 ц/га, в Финляндии – 35,3 ц/га, в Белоруссии – 34,4 ц/га, в Бельгии – 85,9 ц/га [Россия и страны мира 2014, с. 217]. То есть даже по сравнению со странами, имеющими схожий исторический опыт хозяйствования, примерно одинаковые и даже более суровые климатические условия, урожайность в России была меньше практически в два раза. Добавим, что по сравнению со странами Европы Россия по урожайности зерновых и зернобобовых культур в 2012 г. заняла предпоследнее место (на последнем месте – беднейшая Молдова) [Россия и страны мира 2014, с. 217].

Таким образом, можно сделать вывод, что животноводство и растениеводство в России пребывают в глубоком кризисе, за частичным исключением районов с благоприятным для его ведения климатом и лишь по отдельным показателям. Данный вывод противоречит победным реляциям, распространяемым Министерством сельского хозяйства и рядом официальных СМИ «о небывалом росте сельского хозяйства». Безусловно, урожай в России вырос, и Россия экспортирует зерно, но российские урожаи только приближаются к позднесоветским показателям за прошедшие четверть века, когда были упущены огромные возможности по модернизации села. «Нынешний экспорт (в основном) зерна достигается за счет деформаций, искажения рациональной структуры посевов (“флюсов”, площадей зерновых, подсолнечника, сахарной свеклы), истощения почвенного плодородия, массового нарушения севооборотов и научно обоснованной системы земледелия, диспропорций между растениеводством и животноводством. Общий результат аграрной реформы практически таков: объем продукции отрасли даже не вышел на уровень дореформенного 1990 г., а по животноводству ниже его почти на треть» [Буздалов 2016, с. 158].

Рабочая сила на селе: состояние и тенденции

Не меньшее влияние на формирование смыслов оказывает ситуация с состоянием и использованием рабочей силы на селе. За годы реформ резко уменьшилось количество работников, непосредственно занятых в сельском хозяйстве. Из 38 млн проживающих на селе примерно лишь каждый пятый-шестой (в зависимости от региона) вовлечен в сельскохозяйственное производство. Только в период с 2000 по

2015 г. число работающих на земле сократилось с 4071 тыс. до 2355 тыс. чел., т.е. произошло практически двукратное падение. Численность неквалифицированных работников за этот же период снизилась с 1468 тыс. до 424 тыс. чел.² [Российский статистический ежегодник 2015, с. 108], т.е. падение шло еще более быстрыми темпами, чем в случае с квалифицированными работниками. В связи с переходом на рыночные отношения произошло резкое сокращение численности «избыточных» сельскохозяйственных кадров. Вот как это оценивают сами сельчане: «Людей в бригадах почти нет. Ну, скажем, две женщины могут в бригаде работать. Некоторые – в столовой, на запчастях. А остальные? Остальные по станице ходят! Безработных сейчас очень много стало. <...> А сейчас и огорода у нас в хозяйстве нету. Невыгодно!» (цит. по [Виноградский 2015, с. 88]). Отсутствие работы на селе возрождает и стимулирует отходничество сельчан в города, но в то же время ведет к маргинализации оставшегося безработного населения, вынужденного перебиваться случайными заработками [Великий 2013]. На наш взгляд, это произошло также потому, что советские колхозы наследовали, хотя и в атрофированном виде, традиции крестьянской общины, одной из функций которой было обеспечение выживания всех, что соответствует крестьянской моральной экономике, согласно которой «все имеют право на жизнь» (подробнее см. [Козлова 1998, с. 45]). Таким образом, переход на рыночные отношения, стремление к экономической эффективности породили социальную нестабильность на селе.

Важнейшей чертой жизненного мира стало появление нового социального слоя (класса) – *сельского прекариата*, который формируется и постоянно увеличивается за счет занятых негарантированной или временной (сезонной) работой, растущей открытой и скрытой безработицей из лиц с низким уровнем жизни. По данным исследования «Сельская жизнь» (2015), 10,6% сельских жителей заявили себя безработными, 13,6% сообщили о работе без заключения трудового договора, и еще 9% информировали о своей временной занятости. Такое положение влечет за собой неустойчивость социального статуса и социального положения, потерю жизненной перспективы, неуверенности в своем будущем и/или своей семье, что, на наш взгляд, неизбежно проявляется в снижении эффективности и результативности труда (подробнее см. [Тощенко 2015]).

Говоря в целом о кадрах в сельском хозяйстве, следует отметить, что при современном экономическом укладе оно во все большей степени испытывает дефицит квалифицированных специалистов: так, в 2014 г. специалистов с высшим образованием, работающих в сфере сельского хозяйства, охоты и лесного хозяйства, в структуре рабочей силы насчитывалось 10,5% – самый минимальный процент в сравнении со всеми сферами экономики России (даже в гостиничном и ресторанном бизнесе работают 16,5% специалистов с высшим образованием). Необходимо уточнить, что в сельском хозяйстве, охоте, лесном хозяйстве 17,8% имеют средне-специальное образование, 21,3% – средне-профессиональное, а 50,3% сельских работников вообще не имеют никакого специального образования [Российский статистический ежегодник 2015, с. 116]. По сравнению с другими сферами экономики в сельском хозяйстве России наблюдается самый большой объем неквалифицированной рабочей силы, поэтому вымывание слоя квалифицированных

² В обоих случаях учитываются все работники сельского, а также лесного, охотничьего хозяйств, рыбоводства и рыболовства.

специалистов из сельской жизни грозит реставрацией архаичных способов обработки и ухода за землей и скотом, что в условиях низкой урожайности, отсутствия техники чревато глубокой негативной деформацией агропромышленного комплекса.

Эти данные, учитывая сокращение выпускников сельскохозяйственных вузов, техникумов и профтехучилищ, позволяют сделать вывод об увеличивающейся деградации трудовых ресурсов села. Становится непонятным, как проводить модернизацию сельского хозяйства при отсутствии квалифицированных кадров, кто ее будет проводить, работать на сложной технике и внедрять новые технологии (подробнее см. [Широкалова, Дерябина 2010]).

Основные смысложизненные ориентации сельчан

Проблемы смысложизненных ценностных ориентаций, установок и мотивации деятельности особенно обостряются в переломные этапы жизни общества. Современный период развития российского общества связан с последствиями глобальных трансформаций, затронувших все сферы жизнедеятельности, которые повлекли за собой поиск смыслов, стержневых ценностных оснований существования россиян, живущих на селе. Несмотря на то, что тотальное банкротство современных сельскохозяйственных предприятий и организаций, наследников советских колхозов и совхозов, было приостановлено, на фоне сокращения сельскохозяйственного населения новых хозяйствующих субъектов практически не возникает.

Сегодня традиционные и привычные ценностные нормы и стереотипы не всегда служат ориентиром для сельских тружеников, вынужденных прикладывать значительные усилия для поиска траектории и смыслов жизненного пути. В наши дни темп развития стал настолько быстрым, что прошлый опыт не только недостаточен, но иногда может мешать смелым и прогрессивным подходам [Нечипуренко, Самсонов, Зазулина, Мореханова 2015].

Ценностные ориентации складываются на основе мировоззрения, которое определяется субъективной интерпретацией реальности. В этих условиях сохранение и воспроизводство смыслов жизни сельского населения в основном замыкаются на социально-экономические и культурные факторы. В настоящий момент жизнь в селе может быть только решением на основе выбора, и если к этому нет предпосылок, обусловленных научно-техническим и социально-экономическим развитием аграрного производства, то для его решения остается потенциал экзистенциального свойства [Узун, Шагайда 2015].

Для сельских жителей на первых местах среди ценностей в структуре жизненных смыслов стоят семья (95,9%), здоровье (87,6%), работа (73,6%), друзья (56%). Менее значимыми являются политика (15,8%), культурный досуг (27,3%), общественное признание (26,1%) и религия (28,9%)³. Приоритетность ценностей определяет ключевые жизненные смыслы сельчан, которые остаются достаточно противоречивыми с точки зрения официальных заявлений, личных стремлений и реальной деятельности.

³ Опрос «Жизненный мир россиян» (2014).

Этими жизнеобразующими смыслами современных сельских жителей, как показывает анализ проведенных исследований, можно считать следующие:

- остаться на селе;
- переехать из села в город;
- следовать компромиссным жизненным смыслам (жить на селе, а работать и отдыхать в городе).

Смысл жизни – остаться жить на селе

Один из жизненных смыслов сельского населения проявляется в том, что 58,9% жителей (из них только 35,2% молодежи) заявили, что они не хотят уезжать из села в город, планируют жить и работать в сельской местности. Но такой показатель включает в себя неоднозначные, а иногда и противоречивые оценки. Приверженность сельскохозяйственному производству продемонстрировал только каждый третий: 36,2% отметили, что им нравится работать на земле, жить на природе. Сопутствующей и главной причиной, которой объясняется это решение, является не столько хозяйственная, производственная, сколько морально-нравственное отношение к сельской жизни: 77,1% из решивших жить на селе (из них только 28,9% молодежи) заявили о *привязанности* («привык», «здесь моя родина», «здесь живут мои родные и близкие»). Остальные причины можно отнести к важным, но специфическим факторам, которые отнюдь не свидетельствуют о приверженности к труду на земле, а скорее к ограничениям, сдерживающим сельчан от решения изменить свою жизнь: 10,2% (среди молодежи 9,4%) не уверены в том, что смогут найти работу в городе, а 18,2% (и только 8,2% среди молодежи) выразили убеждение, что материально тяжело подняться со старого места и покинуть село⁴.

Отметим также, что решение остаться на земле поддерживают в первую очередь не только те, кто непосредственно занят в сельскохозяйственном производстве (а их, по данным опроса, около 24–25%), но и 12% сельчан из социогуманитарной сферы деятельности (учителя, медработники и работники культуры), а также работники сферы обслуживания (продавцы, связисты и занятые в бытовых учреждениях).

Жизненный смысл, связанный с работой на селе, более характерен для той части населения, которая, несмотря на трудности и сложности, все еще остается верна традициям, поддерживает семейное родовое гнездо, ведет домашнее хозяйство, желает увеличить земельный надел, приобрести сельскохозяйственную технику и продолжать сельский образ жизни. Эта часть сельчан чтит нравственные и религиозные традиции, они имеют семью или проживают в гражданском браке, работают во вновь образованных сельскохозяйственных предприятиях, в органах государственной или муниципальной власти, в сферах образования, культуры и медицины. К ним примыкает небольшой слой тех, кто имеет свой бизнес на селе – 2,9% (14,5% среди молодых людей)⁵.

⁴ Опрос «Сельская жизнь» (2015).

⁵ Опрос «Сельская жизнь» (2015).

Как увеличить число преданных земле или, по крайней мере, закрепить тех, кто еще хотел бы заниматься сельским хозяйством? На наш взгляд, на желание остаться на селе самым непосредственным образом влияет государственная аграрная политика. Обратим внимание на то, что в ходе реформ земельные наделы (паи) реально получили 32% (17,2% молодых сельчан), и среди них преобладали те, кто не хотел уезжать в город, поскольку они решили *продолжать и сохранять вековые семейные традиции*.

В этой связи огромную роль играет анализ смысла жизни молодых сельчан в их стремлении продолжать работать на селе. Данные исследования «Сельская жизнь» (2015) показывают, что большая часть этой молодежи имеет собственный дом (часть дома) (73%), приусадебный участок (68,3%) и легковую машину (56,7%); в более трети хозяйств есть птица (39,7%), парник, теплица (32,1%); четверть держит мелкий скот (22,6%); половина из них используют продукцию личного хозяйства для своей семьи и родственников. Таким образом, для этой молодежи личные хозяйства – важная составляющая образа жизни, позволяющая реализовать свою занятость и по своему усмотрению организовывать проведение свободного времени.

Что касается всех нежелающих (не планирующих) уехать из села, то это намерение не означает, что они не видят изъянов и пороков в своем социальном положении и что оно их устаивает: из них 50% работают по найму официально, по трудовому договору, а остальные заняты эпизодически или ограничивают себя подсобным хозяйством. Основными источниками формирования дохода у молодежи является заработная плата (76,1%), помощь родственников и друзей (29,1%), а также подработка и совместительство (21,5%), при этом удовлетворяющая их оплата труда преобладает именно у тех, кто не хочет уезжать из села (81,7%). Исходя из этого, можно сделать вывод, что наличие стабильной работы – серьезная причина, чтобы остаться жить на селе [Колосова 2016].

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос «Как Вы бы охарактеризовали Ваше материальное положение?» (% от числа ответивших)

Оценка материального положения	Возраст респондента		
	до 29 лет	30–49 лет	50 и старше
Живу в нищете	1,2	2,5	2,1
Еле свожу концы с концами	11,7	16,8	19,9
Хватает на еду и одежду, в остальном приходится экономить	57,8	48,7	58,7
Могу себе позволить покупку холодильника, компьютера ..., но не более	27,7	29,1	17,8
Могу себе позволить крупные расходы (квартира, дом, машина...)	1,2	2,5	0,8
Нет ответа	0,4	0,4	0,7

Источник: опрос «Сельская жизнь» (2015).

Примечание: Эта методика, позаимствованная у ВЦИОМ и Левада-Центра, дала схожие результаты.

В основном жители российских сел живут в режиме экономии, так как денег хватает преимущественно на еду и одежду (таблица 5).

Испытывают гораздо меньше трудностей с ведением собственного подсобного хозяйства те жители села, в том числе и молодые, кто не хотел бы уезжать (44,4% ответили, что особых трудностей нет), но их больше волнуют нехватка земли, размеры приусадебных участков, отсутствие техники для обработки и перевозок. Они больше заинтересованы в увеличении земельного участка и рассчитывают прожить за счет своего хозяйства.

Доверие односельчанам также является одной из причин, по которой часть жителей не хочет уезжать из села: около половины могут положиться на помощь жителей своего села, и больше среди них тех, кто хотел бы остаться жить в сельской местности. Сложнее ситуация с молодежью: треть из них затруднились с ответом, поскольку либо не оказывались в сложной жизненной ситуации (в силу возраста, когда родители еще в состоянии помогать своим детям, а также в этом возрасте много друзей окружает молодежь), либо не задумывались об этом.

Таким образом, нежелание покидать свое село обусловлено рядом причин, в числе которых первостепенное значение приобретают наличие стабильной работы и удовлетворяющей оплаты туда, продолжение традиций семьи, ведение личного подсобного хозяйства, соблюдение традиционных деревенских устоев, наличие собственной семьи, поддержка ближайшего окружения.

Смысл жизни – переехать из села в город

Исследователи российского села на базе статистических данных фиксируют стабильно высокий миграционный отток сельского населения в город, причем в основном за счет самой трудоспособной и грамотной молодежи в возрасте от 18 до 35 лет [Бондаренко 2016; Вознесенская 2013]. В настоящее время основным смыслом жизни для 20% сельчан (из них 41,1% молодежи) является установка на проживание в городе, несмотря на то, что более половины сельской молодежи до 29 лет удовлетворены своей жизнью (53%), что гораздо выше по сравнению с другими возрастными категориями (30–49 лет – 40,6%, 50 лет и старше – 43,2%)⁶. Установлено, что тех, кто хотел бы уехать из деревни и проигравших от происходящих в стране перемен, в два раза больше по сравнению с теми, кто хотел бы остаться. Среди имеющих стремление покинуть село следует выделить три возрастные группы, отображенные в таблице 6.

Анализ причин, приведших к формированию смысла жизни «отъезд в город», показывает, что в его основе лежат в первую очередь экономические факторы (неудовлетворенность условиями и организацией труда, отсутствие работы, низкая оплата труда). Падение сельскохозяйственного производства и тесно связанное с ним сокращение занятости создали проблему нехватки квалифицированных кадров на селе: начала снижаться численность массовых профессий (главным образом механизаторов), высококвалифицированных

⁶ Опрос «Сельская жизнь» (2015).

специалистов (агрономов, зоотехников, ветеринарных врачей, инженеров). Эта ситуация сказалась и на уменьшении занятости квалифицированных специалистов социально-гуманитарного профиля (учителей, медицинских работников, библиотекарей, культурорганизаторов). Реальность такова, что для всех сельчан, особенно для молодежи, не созданы необходимые для работы условия, включающие в себя устойчивость в занятости, востребованность профессий, достаточный уровень оплаты труда, нормированный рабочий день, достойные социально-бытовые условия.

Таблица 6. Распределение ответов на вопрос «Если вы планируете уехать в город, то почему?» (% от числа ответивших)

Причины стремления уехать в город	Возраст респондента		
	до 29 лет	30–49 лет	50 и старше
На селе (в деревне) нет никакой работы	50,4	35,2	43,6
На селе (в деревне) нет работы по моей профессии	36,0	30,6	15,4
На селе (в деревне) работа тяжелая	21,6	12,0	15,4
На селе (в деревне) работа неинтересная	27,3	15,7	7,7
Здесь заработки низкие	65,5	66,7	64,1
Нет школы	3,6	4,6	5,1
Нет детского сада	5,0	2,8	7,7
Нет условий для получения профессии	20,1	4,6	5,1
Не могут устроить личную жизнь	15,8	10,2	5,1
Скучно, негде отдохнуть, развлечься	49,6	25,9	10,3
Имеются проблемы с медицинской помощью	17,3	16,7	33,3
Нет торговых точек	0,7	0,9	5,1
Нет организаций бытового обслуживания	5,0	4,6	5,1
Имеется проблема с жильем	17,3	14,8	2,6
Село (деревня) не газифицировано	2,9	0,9	7,7
Плохие дороги	21,6	25,0	17,9
Хотят организовать свой бизнес, но ничего не получается	6,5	3,7	2,6

Источник: опрос «Сельская жизнь» (2015).

Каждый второй сельский житель утверждает, что на селе работы нет (50,4%), а та, которая есть, слишком тяжела (21,6%), ко всему прочему, более половины свидетельствуют, что на селе слишком низкие заработки (65,5%). Многие сельчане подрабатывают и работают по совместительству, а также прибегают к помощи родственников и друзей (37,0%). Согласно данным опроса «Сельская жизнь» (2015), поскольку на селе отсутствуют условия для получения многих профессий (об этом говорят 20,1% опрошенных), а также нет работы по той профессии, которая получена ранее, желание оставаться жить в своем населенном пункте у молодежи уменьшается. В данном случае выявляется очевидное несоответствие реальным потребностям современного сельского хозяйства количества и качества подготовки кадров, деятельности учебных заведений высшего и среднего профессионального образования и организаций по повышению квалификации и переподготовке кадров. В то же время отметим, что социальная структура села изменяется в соответствии с развитием глобального мира: уже 5,5% молодых на селе работают в сфере IT-технологий, заняты фрилансом, но их численность и ниша для их работы пока незначительны.

Треть тех, кто хочет покинуть село, в настоящее время работают в ближайшем райцентре, поселке, городе. В этой ситуации желание покинуть село, где они живут, не является чем-то нетипичным. Продельвая ежедневно путь до работы и обратно в другой населенный пункт, они претендуют на более благоприятные условия труда, часто связывая их с более четкой жизненной перспективой.

Стремление уехать в город обусловлено и неустроенным бытом, и низким уровнем развития социальной инфраструктуры. Главными индикаторами здесь можно назвать проблемы с медицинской помощью (18,2%), проблемы с жильем (13,9%, среди молодежи – 17,3%), отсутствие организаций бытового обслуживания (5%). Здоровье находится на втором месте (после семьи) в списке ценностей, поэтому медицинское обслуживание крайне важно, и это не только собственное здоровье, а для молодежи и возможность благополучного рождения детей и помощь в их воспитании. Жилищная проблема связана также с тем, что на селе часть семей живет в одном доме двумя-тремя поколениями, так как ресурсы для приобретения собственного жилья для отдельной семейной организации отсутствуют. На поведение молодежи влияют и условия жизни: у большинства отсутствует в доме центральное отопление (имеется только у 32%), стационарная электроплита (имеется у 23%); 40% семей не имеют в своем жилье канализации (имеется у 60%), горячей воды (имеется у 59,4%), телефона (имеется у 54,7%). Нужно учесть и тот факт, что даже в 3,6% крупных населенных пунктах отсутствуют школы, в 5% – детские сады⁷. Среди недостатков социальной инфраструктуры население называет и плохие дороги (21,6%), затрудняющие передвижение при выполнении обязанностей или удовлетворении своих потребностей.

Недостаточный уровень развития сферы культуры – важный фактор, влияющий на выбор «жить на селе или уезжать в город». Несмотря на то, что в списке ценностей культура стоит не на первом месте, отсутствие на селе мест культурного досуга также усиливает желание уехать в город. Для половины молодых людей (49,6%) жизнь на селе представляется скучной, поскольку им негде отдохнуть и развлечься: молодежь лишена возможности сходить в кино, посетить выставку,

⁷ Напомним, что исследование проводилось в относительно крупных поселениях с сельскохозяйственным производством и населением 50 чел. и более.

концерт, для этого необходимо выбираться в более крупный населенный пункт. Отсутствуют возможности получения профессионального образования, что позволяло бы претендовать на хорошо оплачиваемую должность или профессионально заниматься сельским хозяйством.

Отсутствие жизненных перспектив, на наш взгляд, – одна из ключевых причин желания сельчан, особенно молодежи, покинуть село. Дальнейшие жизненные ориентиры молодежи, по их мнению, формируются именно в городской среде. Молодые люди сталкиваются с существенным отличием социально-экономических условий жизни, поскольку на селе гораздо меньше возможностей профессионально реализоваться, что в большей степени связано со спецификой сельского рынка труда. Молодежь привлекает динамичность городской жизни, более высокий уровень ее качества, позволяющий тратить меньше времени на социальные и бытовые проблемы, уделяя больше внимания карьере, семье, образованию и т.д.

Существующий в сельской местности демографический дисбаланс (с 1989 по 2010 г. численность женского и мужского населения сохранялась на уровне 53% и 47% соответственно) также является одной из причин нежелания остаться на селе, так как существуют определенные трудности в поиске спутника жизни и создании семьи. Число мужчин по сравнению с 2002 г. сократилось на 1559 тыс. чел., или на 2,3%, женщин – на 752 тыс. чел., или на 1,0%. Соотношение мужчин и женщин ухудшилось в связи с высокой преждевременной смертностью мужчин: в Российской Федерации в 2010 г. на 1000 мужчин приходилось 1163 женщины [Социально-демографический портрет России 2012, с. 21].

Таким образом, решающим в принятии решения о переезде из села в город являются стремление увеличить материальный достаток, получить работу, в том числе по своей профессии, а также улучшить жилищные и бытовые условия, создать семью. Для половины сельчан важным становится наличие мест отдыха и развлечений, которые имеются на селе в ограниченных масштабах: в лучшем случае это дом культуры (77,3% отметили их наличие в своем селе), библиотека, нередко укомплектованная старой, ветхой литературой и периодикой (72,3%).

Компромиссные жизненные смыслы

Компромиссные жизненные смыслы подразумевают реализацию неоднозначных ценностных установок и ориентаций, которые включают в себя жизнь на селе с работой в городе (особенно в деревнях и селах, близко расположенных к большим городам); своеобразный и специфический тип жизне- и трудоустройства (туристические и экологические деревни, сезонная занятость, дачное местожительство и другое). Нередко эти смыслы реализуют различные типы временной занятости, использование вахтового метода и т.д., позволяющих в то же время жить в селе и вести хозяйство.

Переход аграрной отрасли экономики страны к рынку в условиях экономического кризиса сопровождался ухудшением финансового положения сельскохозяйственных предприятий, сокращением производства, банкротством и ликвидацией части предприятий, что привело к ограничению трудовой сферы на селе и усугубило проблему трудоустройства: треть молодых сельчан работали в ближайшем райцентре, поселке или городе, а небольшая часть сельчан (14%) в качестве

жизненного смысла выбрала вариант, предполагающий проживание и работу в сельской местности, а досуг – в городе⁸.

Такие варианты жизненных смыслов отчасти можно связать с отходничеством, которое характеризуется поиском работы именно в городе при сохранении статуса сельского жителя и финансовом обеспечении своей семьи, оставшейся жить в селе; численность занятых этими видами труда достигает 15–20 млн чел. [Великий 2013; Плюснин, Заусаева, Жидкевич, Позаненко 2013]. Причинами этого можно назвать отсутствие рабочих мест в сельской местности, сложности с трудоустройством в имеющиеся на селе организации, а также низкой оплатой труда, причем особенно это касается молодежи: 21,7% молодых сельчан временно не работают. В связи со сдвигами в экономической сфере жизни общества за прошедшие четверть века произошла диверсификация трудовых практик на селе. Труд на земле уже не является единственным источником заработной платы для сельчан. Н.Е. Покровский и Т.Г. Нефедова, анализируя проблемы села русского Севера, выделяют, помимо сельскохозяйственной деятельности, в качестве моделей диверсификации сельской экономики развитие несельскохозяйственного производства (лесозаготовки, сбор грибов, ягод), туризм, а также превращение ряда деревень, в которых проживают преимущественно пенсионеры, в аналог загородных домов для престарелых [Покровский, Нефедова 2012, с. 90–93]. Помимо этого, растет количество деревень, постепенно превращающихся в зоны рекреационного отдыха горожан (Подмосковье, Ленинградская, Тверская области, юг России, Крым). Некоторые села, особенно расположенные вблизи оживленных трасс, выживают за счет торговли. Отметим также, что наметилась тенденция роста количества горожан, практикующих одновременное проживание и в городе, и в сельской местности⁹.

Диверсификация трудовых практик усложняет жизненный мир сельчан: они приобретают разный производственный и повседневный опыт, что разрушает монолитный образ жизни деревни, и, главное, работа на земле больше не является основным и единственным источником дохода сельских жителей; более того, растет количество сельских жителей, вообще не владеющих землей.

Особое место в компромиссном поведении занимают поездки на культурные мероприятия в город как компенсация отсутствия возможности на селе удовлетворить потребность в духовном общении и в организации досуга (таблица 7).

Отметим также, что на компромиссное поведение влияют установки на перспективы жизни на селе будущего поколения. В этой ситуации только каждый третий сельский житель (35,3%) убежден, что их дети должны устраивать свою жизнь в городе. Обращает на себя внимание тот факт, что 50,6% сельчан предпочитают возможность самим детям решать, где те хотели бы жить. С одной стороны, возможно, представители старшего поколения рассчитывают на то, что их дети и внуки примут на себя заботу о хозяйстве и «родовом гнезде» и останутся жить и работать на селе. С другой стороны, понимая, как стремительно развивается общество, и какие возможности открываются для молодого поколения в городе, старшее поколение не хочет брать на себя ответственность и решать за молодежь, а дает им шанс выбрать и найти свой путь, во всяком случае, на словах.

⁸ Опрос «Сельская жизнь» (2015).

⁹ Анализ этой проблемы проведен в монографии «Между домом и ... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России» [Аверкиева, Антонов, Кириллов, Махрова, Медведев, Неретин, Нефедова, Трейвиш 2016].

Таблица 7. Распределение ответов на вопрос «Если вы ездите в город, то с какой целью?» (% от числа ответивших)

Цели поездок в город	Возраст респондента		
	до 29 лет	30–49 лет	50 и старше
В гости к знакомым, друзьям, родственникам	75,4	66,3	52,6
Для посещения медицинских учреждений	41,8	52,4	45,1
За покупками	77,0	80,7	56,2
В театр, на концерты	23,0	23,3	8,3
В кинотеатры	38,1	18,4	3,4
В музеи, на выставки	11,5	8,1	3,9
Не бывают в городе	2,0	4,0	17,9

Источник: опрос «Сельская жизнь» (2015).

Социальная справедливость как обобщающий смысл жизни сельских жителей России

Социальная справедливость понимается сельскими жителями по-разному, в зависимости от многих условий и факторов. В их сознании существует много различных представлений о справедливости. Общим является то, как они воспринимают и оценивают отношение к ним со стороны государства и общества, *какое мироощущение* формируется у них при взаимодействии с той организацией, в которой они работают, учатся и/или периодически контактируют, а также с теми, с кем они непосредственно общаются в повседневной жизни.

Стремление к социальной справедливости воплощается в таких показателях смысла жизни, как социальные гарантии, социальная защищенность, выраженных во многих значениях: так, по данным опроса «Жизненный мир россиян» (2014), отсутствие личной безопасности очень тревожит 53,5% горожан и 47,9% сельских жителей. А это значит, что человек измеряет ее гарантии именно в том пространстве, где он живет и работает, а не в каком-то глобальном масштабе. Поэтому, хотя основной центр обеспечения этой безопасности лежит на уровне региональных и местных органов власти, его гарантии все же призваны дать государственно-правовые органы, обеспечив право гражданина на существование без опасения за свою жизнь, трудовую занятость и обустроенность повседневной жизни. Причем это практически в одинаковой степени касается жизни и в городе, и на селе: деревенская жизнь уже перестала быть гарантом спокойного существования.

В основе жизнепрактических смыслов справедливости прямо или косвенно фигурирует стремление сельчан обрести социальную устойчивость, что, на наш взгляд, связано с желанием понять, какое же государство строится в России. Заявленная норма в Конституции РФ, что это социальное государство, мало кого убеждает, так как оно определяется расплывчато и малопонятно для большинства или трактуется очень произвольно. В этой связи стоит обратить внимание

на то, что в исследовании «Жизненный мир россиян» (2014) выявлено стремление 55–57% горожан и 50% сельчан жить в стабильном обществе. Анализ этих данных в разрезе различных типов поселений и с учетом возраста и образования дает основание утверждать, что старшее поколение, имея большой опыт проживания в годы войны, в том числе и холодной, острее реагируют на угрозы безопасности, чем более молодые поколения. Это желание целесообразно сравнить с тем, как оценивают ситуацию в России в настоящее время, т.е. реальное, а не проектируемое ее положение. Исследование показало, что существуют две противостоящие друг другу позиции, образуя антиномичную характеристику: 39,8% россиян (31,2% сельских жителей) определяют эту ситуацию как обычную, 6,6% россиян (7,7% сельчан) – как благоприятную, 36,6% россиян (38,1% сельчан) – как кризисную, 5,3% россиян (9,8% сельчан) – как катастрофическую. Бесспорно, наблюдается раскол общественного сознания, олицетворяющий сложившуюся в нем антиномию со взаимоисключающими смыслами. И каждая группа носителей этих смыслов имеет убедительные обоснования, чтобы доказать свою правоту и аргументировать оценку.

Социальная справедливость коррелирует и с представлениями о демократическом устройстве общества. Так как очень часто в выступлениях политиков и некоторых политологов звучат слова о России как демократическом государстве, то важно эти слова соотнести с суждениями населения России. А реальность такова, что 12,8–15,4% городских и 13,8% сельских жителей не удовлетворены состоянием демократии в России, а 46,5–54,5% в городе и 60,1% на селе удовлетворены ею лишь частично. Это значительно меньше того, что наблюдалось в общественном сознании в начале 1990-х гг., когда демократичность развития признавалась многими, за нее ратовало большинство населения. Тогда она была лозунгом и ориентиром для тех, кто жаждал позитивных изменений и отвергал ее советское понимание. Но как показывают данные, достижение смысла демократии оказалось далеко не таким, как ожидалось.

Анализ главных смыслов жизненного мира крестьян показывает, что за последние четверть века произошли фундаментальные изменения в политической, экономической, а следовательно, в социальной и духовной сферах общества. Эта истина общеизвестна и не требует доказательств, но возникают совсем другие вопросы: в каком направлении осуществлялись эти изменения, как они сказались на их жизни и насколько кардинально повлияли на их отношения с окружающим миром, на сущностную характеристику смысла жизни? Эти главные смыслы дополняются смыслами-целями-принципами, имеющими наибольшую ценность для сельчан и их деятельность в основных сферах российского общества: в экономике, политике, социальной и духовной сферах.

Необходимо признать, что аграрная политика и ее производные – декларируемая модернизация сельского хозяйства – невозможны без решения проблем, волнующих его основного субъекта – крестьянина, без участия которого мертвым грузом будет лежать и земля, и машины, и оборудование, а в конечном счете и продовольственная безопасность страны¹⁰.

¹⁰ См. статью Троцук И.В., Никулина А.М., Вегрена С. «Тракторки и способы измерения продовольственной безопасности в современной России: дискурсивные и реальные противоречия», опубликованную в этом номере на стр. 34–64.

Вышесказанное позволяет сделать вывод, что всеохватывающая нацеленность как сельских жителей, так и всех жителей страны на социальную справедливость, которая стала ведущей в структуре их ориентаций, должна превратиться в национальную идею, часть государственной идеологии, смысл социальной аграрной политики, так как социальная справедливость понятна, желаемая и убедительна для большинства, полностью бы совпадала как в официальном, так и в сугубо личном плане, а главное – прекратила (приостановила) процесс дальнейшего раскрестьянивания деревни.

Есть ли перспективы?

Жизненный мир сельских жителей олицетворяет учет накопленного не только текущего практического, но и предшествующего, исторического опыта, что позволяет им оперировать не только личным пониманием и восприятием окружающей его действительности, но и информацией о предыдущей жизнедеятельности сельских общностей в различных социально-экономических, социально-политических и социально-культурных условиях. Это особенно наглядно проявляется в отношении к советскому опыту функционирования сельского хозяйства (при признании всех его издержек и ошибок) и в то же время в понимании для многих крестьян бесперспективности (ущербности) социальной и духовной жизни.

Отметим также, что жизненный мир сельчан – это мир не только рациональности, но и мир чувственных и эмоциональных оценок, выраженных в вербальном и/или поведенческом отношении к происходящей действительности¹¹. Этот мир отражает всю гамму субъективной характеристики наблюдаемых человеком происходящих общественных процессов и природных явлений. При этом можно отметить у сельских жителей (особенно у крестьян) более высокий уровень консерватизма, приверженности к традициям, хотя за последние годы наблюдается интенсивный процесс их размывания.

Тем не менее, жизненный мир на селе в большей степени, чем в городе, реализует выполнение функции координации действий и взаимодействий людей и/или социальных групп, способствует определению первоочередных мер для воплощения желаемых целей и достижения реального результата.

Осмысление жизненного мира предполагает анализ препятствий и ограничений на пути реализации основных и производных целей, к которым стремятся сельские жители. А этих препятствий очень много: негарантированная занятость, некомфортабельное жилье, отсутствие должной транспортной инфраструктуры, слабое коммунальное и бытовое обеспечение, закрытие медучреждений и школ, а также увеличившийся отрыв от органов власти вследствие неразберихи в перестройке местного самоуправления.

Обобщая сказанное, можно утверждать, что жизненный мир сельчан – это сложный и противоречивый мир человеческого измерения, существования и функционирования их социального потенциала, возможностей, восприятия и реакции на происходящие в обществе изменения, и отсюда – (не)готовность понять, принять/не принять, содействовать/быть пассивным/противостоять осуществляемым в обществе и государстве преобразованиям.

¹¹ См. статью Виноградского В.Г. «Крестьянские устные повести: опыт дискурсивного чтения», опубликованную в этом номере на стр. 90–113.

Жизненный мир сельских жителей различен, существует в многообразии, проявляющемся как специфика индивидуального, особенного и всеобщего. Анализ черт и характеристик их жизненного мира позволяет утверждать, что этот мир, несмотря на обилие и разнообразие, все же имеет одну общую структуру. И эту объединяющую его структуру образуют смыслы жизни, которые выступают сущностями, выражающими специфическое видение этого мира, его главные (основные, определяющие) ценности.

Несомненно, что сельскохозяйственному производству, всей сельской жизни необходима научнообоснованная аграрная политика, которая решала бы комплекс организационных, экономических, социальных, территориальных и духовно-культурных проблем. Но при всей значимости перечисленных проблем надо четко понимать, что земля, техника, планы по развитию полеводства, животноводства и других производств останутся мертвым капиталом, если в них не вдохнуть активную, творческую созидательную силу, которую представляет сельское население, его наиболее активные части: с одной стороны, трудоспособное население, с другой, будущее деревни – работающая молодежь и «мерцающая надежда» – обучающиеся студенты, выходцы из села, а также школьники.

Вместе с тем, несмотря на критический анализ происходящего в современной российской деревне, мы верим, что русская деревня, существующая уже больше тысячи лет, не исчезнет. Сама «тоска по былому» зафиксированная в нарративах сельчан, свидетельствует об оздоровлении деревни. Возможно, будут найдены новые точки сборки коллективности. Мы полагаем, что возможен взвешенный компромисс между субъектами сельской жизни, между экономической выгодой и социальной стабильностью. Возможно, из сегодняшнего кризиса деревня выйдет переформатированная, будут найдены удачные или приемлемые способы адаптации к меняющимся внешним условиям. В конце концов, русская деревня за всю свою историю прошла через много серьезных испытаний и все же выжила. Мы полагаем, что и в этот раз крестьянская мудрость при обязательной вдумчивой государственной аграрной политике не даст кануть в Лету уникальному мировому феномену – русской деревне.

Литература

- Абульханова-Славская К.А. (1991) Стратегия жизни. М.: Мысль.
- Аверкиева К.В., Антонов Е.В., Кириллов П.Л., Махрова А.Г., Медведев А.А., Неретин А.С., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. (2016) Между домом и ... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России. М.: Новый хронограф.
- Анисимов Р.И. (2016) Социально-экономическая трансформация смысла жизненного мира российских крестьян // Тощенко Ж.Т. (ред.) Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа). М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга. С. 33–58.
- Барсукова С.Ю. (2016) Дилемма «фермеры- агрохолдинги» в контексте импортозамещения // Общественные науки и современность. № 5. С. 63–74.
- Бондаренко Л.В. (2016) Развитие сельских территорий России: оценки, мнения, ожидания // Социологические исследования. № 3. С. 76–82.
- Буздалов И. (2016) Рецензия на книгу Узун В.Я., Шагайда Н.И. Аграрная реформа в постсоветской России: механизмы и результаты // Вопросы экономики. № 4. С. 156–158.
- Великий П.П. (2013) Неотходничество, или лишние люди современной деревни // Тощенко Ж.Т. (ред.) Новые идеи в социологии: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА. С. 441–449.

- Великий П.П., Бочарова Е.В. (2012) Раскрестьянивание как индикатор деструктивной трансформации российской агросферы // Социологические исследования. № 1. С. 126–134.
- Виноградский В.Г. (2015) Крестьянский мир в дискурсе поколенческой печали // Социологические исследования. № 12. С. 82–91.
- Вознесенская Е.Д. (2013) Молодые рабочие. Из села в город // Социологический журнал. № 3. С. 75–91.
- Данилов В.П. (2011) История крестьянства России в XX веке. Избранные труды: в 2-х частях. Ч. 2. М.: РОССПЭН.
- Животноводство (2015) // Федеральная служба государственной статистики // http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/economy/
- Калугина З.И. (2015) Рыночная трансформация аграрного сектора России. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН.
- Козлова Н.Н. (1998) Социально-историческая антропология. М.: Ключ-С.
- Колосова Е.А. (2016) Жизнеобразующие смыслы сельской молодежи // Тощенко Ж.Т. (ред.) Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа). М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга. С. 231–250.
- Ленин В.И. (1980) Из заключительного слова по докладу о продовольственном налоге на X Всероссийской конференции ВКП(б) 27 мая 1921. Полн. собр. сочинений в 55 т. Т. 43. М.: Издательство политической литературы.
- Материально-техническая база сельскохозяйственных организаций (2015) // Федеральная служба государственной статистики // http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/economy/
- Нечипуренко О.В., Самсонов В.В., Зазулина М.Р., Мореханова М.Ю. (2015) Крестьянство современной России: Жизненные миры и социальные практики. Новосибирск: Изд-во СО РАН.
- Никулин А.М. (2010) Олигархоз как преемник постколхоза // Экономическая социология. Т. 11. № 1. С. 17–34.
- Никулин А.М. (2012) Россия на пути к асьендам и латифундиям (интервью) // Русский репортер. № 14 // <https://rusrep.ru/article/2012/04/11/nukulin/>
- Плюснин Ю.М., Заусаева Я.Д., Жидкевич Н.Н., Позаненко А.А. (2013) Отходники. М.: Новый хронограф.
- Покровский Н.Е., Нефедова Т.Г. (2012) Угорский проект – перспективы развития ближнего Севера // Мониторинг общественного мнения. № 5 (111). С. 185–196.
- Растениеводство (2015) // Федеральная служба государственной статистики // http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/economy/
- Российский статистический ежегодник-2015. Статистический сборник. М.: Росстат.
- Россия в цифрах (2015). Краткий статистический сборник. М: Росстат.
- Россия и страны мира (2014). Статистический сборник. М: Росстат.
- Социально-демографический портрет России. По итогам Всероссийской переписи населения 2010 года (2012) // Федеральная служба государственной статистики // http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/portret-russia.pdf
- Староверов В. И. (2004) Результаты либеральной модернизации российской деревни // Социологические исследования. № 12. С. 64–74.
- Тощенко Ж.Т. (2015) Прекариат – новый социальный класс // Социологические исследования. № 6. С. 3–13.
- Тощенко Ж.Т. (2016) Социология жизни. М.: ЮНИТИ-ДАНА.
- Узун В.Я., Шагайда Н.И. (2015) Аграрная реформа в постсоветской России: механизмы и результаты. М.: Дело.
- Фадеева О.П. (2015) Сельские сообщества и хозяйственные уклады: от выживания к развитию. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН.
- Чудновский В.Э. (2015) Смысл жизни: Некоторые итоги и перспективы исследований // Психологический журнал. Т. 36. № 1. С. 5–19.
- Широкалова Г.С., Дерябина О.Н. (2010) Специалисты для села и село для специалистов // Социологические исследования. № 9. С. 26–39.
- Шютц А. (2003) Смысловая структура повседневного мира. Очерки по феноменологической социологии. М.: Институт Фонда «Общественное мнение».

The Key Meanings of the Lifeworld of Rural Residents in Russia

Zh. TOSHCHENKO*, P. VELIKIY**

***Zhan Toshchenko** – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Science in Philosophy, Head of Department of Theory and History of Sociology of the Russian State University for the Humanities; Chief Researcher, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. Address: bldg. 5, 24/35, Krzhizhanovskogo St., Moscow, 117218, Russian Federation. E-mail: zhantosch@mail.ru

****Pyotr Velikiy** – Doctor of Science in Philosophy, Leading Researcher, Institute of Agrarian Problems of the Russian Academy of Sciences. Address: 94, Moskovskaya St., Saratov, 410012, Russian Federation. E-mail: iagpran@mail.ru

Citation: Toshchenko Zh., Velikiy P. (2018) The Key Meanings of the Lifeworld of Rural Residents in Russia. *Mir Rossii*, vol. 27, no 1, pp. 7–33 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-1-7-33

Abstract

This article reveals the key meanings of the lifeworld of the inhabitants of a modern Russian village. Our methodological framework is the sociology of life that treats the lifeworld of people as the central concept, whose structural components include social consciousness, behavior and objective conditions (macro-, meso- and micro-world). This approach allows the disclosure of the entire palette of social and personal lives. Particular attention is paid to the justification of the notion of the meaning of life in sociological research. The notion is defined as the goals and principles that guide individuals in their everyday life. Proceeding from these theoretical and methodological grounds, the lifeworld of rural residents is revealed through its key meanings reflected in the main value orientations and the corresponding motivation: to remain in the village; to move from village to town; compromise attitudes (to live in the countryside, but work and/or relax in the city). All of these meanings subordinate to a generalized meaning of the desire for social justice, which relates to the specificity of villagers' lives as citizens (the level of society), as residents (the level of settlement) and as individuals (the level of immediate environment). All these value orientations are also dependent on social status, age, attitude to land use (or forms of property), and marital status. The analysis is based on data collected 2014–2016 by a team of researchers from the Russian State University for Humanities (RGGU) under a grant from the Russian Science Foundation “The lifeworld of Russians and the evolution of the forms of their participation in the implementation of state and social transformations (1990–2010)”. Auxiliary information from a variety of other sources is used: the Federal State Statistics Service, the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, VCIOM, Levada-Center and several regional research organizations.

Key words: sociology of life, lifeworld, meaning of life, social consciousness, behavior, social environment, Russian peasantry, value orientations

References

- Abulkhanova-Slavskaya K.A. (1991) *Strategiya zhizni* [The Strategy of Life], Moscow: Mysl'.
- Anisimov R.I. (2016) Sotsial'no-ekonomicheskaya transformatsiya smysla zhiznennogo mira rossiyskikh krest'yan [The Social and Economic Transformation of the Meaning of Lifeworld of Russian Peasants]. *Smysly sel'skoj zhizni (Opyt sotsiologicheskogo analiza)* [The Meanings of Rural Life (A Sociological Analysis)] (ed. Toshchenko Zh.T.), Moscow: Center for Social Forecasting and Marketing, pp. 33–58.
- Averkieva K.V., Antonov E.V., Kirillov P.L., Makhrova A.G., Medvedev A.A., Neretin A.S., Nefedova T.G., Trejvish A.I. (2016) *Mezhdum domom i ... domom. Vozvratnaya prostranstvennaya mobil'nost' naseleniya Rossii* [Between Home and... Home. The Return Spatial Mobility of Population in Russia], Moscow: Novyj khronograf.
- Barsukova S.Yu. (2016) Dilemma «fermery-agroholdingi» v kontekste importozameshcheniya [The Dilemma of “Farmers-Agroholdings” in the Context of Import Substitution]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no 5, pp. 63–74.
- Bondarenko L.V. (2016) Razvitiye sel'skikh territorij Rossii: otsenki, mneniya, ozhidaniya [The Development of Rural Areas in Russia: Evaluations, Opinions, Expectations]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, no 3, pp. 76–82.
- Buzdalov I. (2016) Retsenziya na knigu Uzun V.Ya., Shagayda N.I. «Agrarnaya reforma v postsovetsoj Rossii: mekhanizmy i rezul'taty» [The review of the book by Uzun V.Ya., Shagayda N.I. “The Agrarian Reform in Post-Soviet Russia: the Mechanisms and Results”]. *Voprosy ekonomiki*, no 4, pp. 156–158.
- Chudnovskiy V.E. (2015) Smysl zhizni: Nekotoryye itogi i perspektivy issledovaniy [The Meaning of Life: Some Results and Prospects for Research]. *Psychological Journal*, vol. 36, no 1, pp. 5–19.
- Danilov V.P. (2011) *Istoriya krest'yanstva Rossii v XX veke. Izbrannyye trudy: v 2-kh chastyakh. Ch. 2.* [The History of Peasantry in Russia in the Twentieth Century. Selected Works: in 2 parts. Part 2], Moscow: ROSSPEN.
- Fadeeva O.P. (2015) *Sel'skie soobshchestva i khozyajstvennye uklady: ot vyzhivaniya k razvitiyu* [Rural Communities and Economies: from Survival to Development], Novosibirsk.
- Kalugina Z.I. (2015) *Rynochhnaya transformatsiya agrarnogo sektora Rossii* [The Market Transformation of the Agrarian Sector in Russia], Novosibirsk.
- Kolosova E.A. (2016) Zhizneobrazuyushchie smysly sel'skoj molodezhi [The Meaning of Lives of the Rural Youth]. *Smysly sel'skoj zhizni (Opyt sotsiologicheskogo analiza)* [The Meanings of Rural Life (A Sociological Analysis)] (ed. Toshchenko Zh.T.), Moscow: Center for Social Forecasting and Marketing, pp. 231–250.
- Kozlova N.N. (1998) *Sotsial'no-istoricheskaya antropologiya* [Socio-historical Anthropology], Moscow: Klyuch-S.
- Lenin V.I. (1980) *Iz zaklyuchitel'nogo slova po dokladu o prodovol'stvennom naloge na XV sersosijskoj konferentsii VKP(b). 27 maya 1921. Poln. sobr. sochinenij v 55 t. T. 43.* [Conclusions on the Report on the Food Tax at the Xth All-Russian Conference of the CPSU (B.). May 27, 1921. Complete Works in 55 volumes. Vol. 43.], Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury.
- Material'no-tehnicheskaya baza sel'skokhozyaystvennykh organizatsij (2015) [The Material and Technical Base of Agricultural Organizations]. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki*. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/economy/, accessed 31 October 2017.
- Nechipurenko O.V., Samsonov V.V., Zazulina M.R., Morekhanova M.Yu. (2015) *Krest'yanstvo sovremennoj Rossii: Zhiznennyye miry i sotsial'nyye praktik* [Peasantry in Modern Russia: Lifeworlds and Social Practices], Novosibirsk.
- Nikulin A.M. (2010) Oligarkhoz kak preyemnik postkolkhoza [Oligarch as a Successor of Post-Kolkhoz]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 11, no 1, pp. 17–34.
- Nikulin A.M. (2012) Rossiya na puti k as'yendam i latifundiyam (Interv'yuy) [Russia on the Road to Hacienda and Latifundia (an Interview)]. *Russian Reporter*, no 14. Available at: <https://rusrep.ru/article/2012/04/11/nukulin/>, accessed 31 October 2017.

- Plyusnin Yu.M., Zausaeva Ya.D., Zhidkevich N.N., Pozanenko A.A. (2013) *Otkhodniki* [Sawmills], Moscow: New Chronograph.
- Pokrovsky N.E., Nefedova T.G. (2012) Ugorskij proekt – perspektivy razvitiya blizhnego Severa [The Ugric Project – the Prospects of Development in the Near North]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya*, no 5 (111), pp. 185–196.
- Rastenievodstvo (2015) [Crop Production]. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki*. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/economy/, accessed 31 October 2017.
- Rossijskij statisticheskij ezhegodnik-2015. *Statisticheskij sbornik* [Russian Statistical Yearbook-2015. Statistical Compilation], Moscow: Rosstat.
- Rossiya v tsifrakh (2015): *Kratkij statisticheskij sbornik* [Russia in Figures (2015): a Brief Statistical Digest], Moscow: Rosstat.
- Rossiya i strany mira (2014): *Statisticheskij sbornik* [Russia and the Countries of the World. (2014): a Statistical Collection], Moscow: Rosstat.
- Schütz A. (2003) *Smyslovaya struktura povsednevnogo mira. Oчерki po fenomenologicheskoy sotsiologii* [The Semantic Structure of the Everyday World. Essays on Phenomenological Sociology], Moscow: Institut Fonda «Obshchestvennoe mnenie».
- Shirokalova G.S., Deryabina O.N. (2010) Spetsialisty dlya sela i selo dlya spetsialistov [The Specialists for Village and the Village for Specialists]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 9, pp. 26–39.
- Sotsial'no-demograficheskij portret Rossii. Po itogam Vserossijskoj perepisi naseleniya 2010 goda [The Socio-demographic Portrait of Russia. Following the Results of the All-Russian Population Census of 2010]. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki*. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/portret-russia.pdf, accessed 31 October 2017.
- Staroverov V.I. (2004) Rezul'taty liberal'noj modernizatsii rossijskoj derevni [The Results of Liberal Modernization in the Russian Village]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 12, pp. 64–74.
- Toshchenko Zh.T. (2015) Prekariat – novyj sotsial'nyj klass [The Prekariat – a New Social Class]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 6, pp. 3–13.
- Toshchenko Zh.T. (2016) *Sotsiologiya zhizni* [Sociology of Life], Moscow: YUNITI-DANA.
- Uzun V.Ya., Shagaida N.I. (2015) *Agrarnaya reforma v postsovetsoj Rossii: mekhanizmy i rezul'taty* [The Agrarian Reform in Post-Soviet Russia: Mechanisms and Results], Moscow: Delo.
- Velikij P.P. (2013) Neotkhodnichestvo, ili lishnie lyudi sovremennoj derevni [A New Type of Seasonal Workers, or Outsider People in the Modern Village]. *Novye idei v sotsiologii: monografiya* [New Ideas in Sociology: a Monograph] (ed. Toshchenko Zh.T.), Moscow: UNITY-DANA, pp. 441–449.
- Velikij P.P., Bocharova E.V. (2012) Raskrest'yanivanie kak indikator destruktivnoj transformatsii rossijskoj agrosfery [Disintegration of Peasantry as an Indicator of Destructive Transformation of the Russian Agrosphere]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 1, pp. 126–134.
- Vinogradskij V.G. (2015) Krest'yanskij mir v diskurse pokolencheskoj pechali [Peasant World in the Discourse of Generational Sorrow]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 12, pp. 82–91.
- Voznesenskaya E.D. (2013) Molodye rabochiye. Iz sela v gorod [Young Workers. From Village to Town]. *Sotsiologicheskij zhurnal*, no 3, pp. 75–91.
- Zhivotnovodstvo (2015) [Livestock]. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki*. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/economy/, accessed 31 October 2017.